

Оба подростка одновременно пришли к одному и тому же выводу, что им нужна Карта Мародеров.

Гермиона задала своему парню очевидный вопрос: «Ты можешь вспомнить, где это?»

— Я думаю, он в кабинете Ремуса, но как, во имя Мерлина, мы сможем получить его вовремя?

«Ну, мы не можем гулять по школе с осужденным гиппогрифом, так что я открыт для идей».

У Гарри тогда была мозговая волна. "Добби!"

Мгновением позже появился маленький домовый эльф, подпрыгивая от волнения. «Что может сделать Добби, чтобы помочь великому Гарри Поттеру?»

— Добби, не мог бы ты принести нам карту, которая лежит на столе профессора Люпина? Мы думаем, что он оставил ее там... Добби ушел еще до того, как Гарри успел договорить, и через несколько секунд вернулся, сжимая драгоценную карту.

Комментарий Гарри о «гениальном Добби» заставил маленького эльфа сиять от гордости. Затем он передал карту Гермионе, прежде чем серьезно поговорить со своим маленьким другом. — Добби, ты хотел бы работать на меня — и на Гермиону?

Добби просто обвил руками ноги Гарри, кивая головой и плача от радости.

— Я думаю, тебе нужно сначала заявить права на свое наследство, Гарри? Это исходило от Гермионы, хотя она так и не подняла головы от карты, которую сейчас изучала, чтобы найти Сириуса.

«О, верно! Я, Гарри Джеймс Поттер, последний представитель Благородного и Древнего Дома Поттеров, требую своего законного наследства и главы своего дома». Заявление Гарри привело к тому, что сквозь него пролился свет, подтверждающий его заявление, прежде чем на его пальце появилось фамильное кольцо Поттеров.

«Добби будет гордиться тем, что будет работать на лорда Поттера и его даму».

— Это просто Гарри, Добби, Гарри и Гермиона. Теперь мне нужно знать, сможешь ли ты провести нас через запертую дверь в замке? Нам нужно вернуться в лазарет, прежде чем кто-нибудь заметит, что мы ушли.

— Это не проблема, Мас... Гарри.

«Хорошо, теперь я хотел бы, чтобы вы отправились за мной в Гринготтс и получили доступ к моим семейным хранилищам, нам нужны обручальные кольца Поттеров, которые, по словам моего отца, находятся в зеленой бархатной коробке. Когда я заявлю свое наследство, гоблины автоматически узнают мою сдачу. статус, пожалуйста, сообщите им, что я хочу, чтобы это оставалось конфиденциальным. Если подробности просочатся, я переведу счета Поттеров в другой банк и проинформирую всех их клиентов о нарушении ими конфиденциальности».

Добби выпрямился чуть выпрямившись, важность порученного ему Гарри Поттером задания удивила эльфа. Он сразу ушел в банк.

Наконец Гермиона оторвалась от своих занятий. — Нашли, но его держат на пятом этаже. Как мы его вытащим?

Гарри подошел и обнял своего лучшего друга и подругу, которая скоро будет невестой. «Если вы не заметили, у нашего друга есть пара крыльев».

Черты лица Гермионы потеряли всякий цвет, когда ее акрофобия дала о себе знать. «Гарри, думаю, я встречу тебя возле лазарета».

Гарри крепко держал ее в своих объятиях. «Ты будешь со мной, что может пойти не так?»

Абсурдность этого утверждения заставила их обоих рассмеяться и сняла напряжение. Гарри взобрался на спину Клювокрыла, прежде чем протянуть руку Гермионе, которая затем храбро забралась за ним. Говорить ей держаться было излишним, она просто не могла сжать его крепче.

Глаза Гермионы были плотно закрыты, но она была вынуждена открыть их, когда они подошли к соответствующему окну. Он был маленьким и сделан из цветного стекла, стекла, которое, к сожалению, не открывалось. Она достала палочку и исчезла в окне, открыв изумленного Сириуса Блэка.

"Гиппогриф вместо Блэка?" — спросил Гарри до того, как Сириус вскочил на ноги и быстро вылез в окно. Он должен был прыгнуть последние несколько футов, но сделал это и держался за Гермиону. Со вспышкой вдохновения Гарри достал палочку и заколдовал новое окно. В новой версии витража теперь изображены собака, олень и волк.

Сириус сидел, пытаясь собраться, чтобы встретить свой конец, как гриффиндорец, которым он был. Затем Гарри и его друг оказались за исчезнувшим окном, пятью этажами выше, проворачивая невероятную спасательную операцию. Когда Сириус увидел окно, которое Гарри сотворил вместо него, он не смог с собой поделаться. Мародёр начал смеяться и не смог остановиться. Гермионе пришлось наложить на истеричного волшебника заглушающие чары.

Не успел Клювокрыл коснуться башни, как Гермиона спрыгнула с его спины. Гарри на мгновение подумал, что она сейчас с облегчением поцелует землю.

Гарри слез и обнял облегченную ведьму, прежде чем Сириус набросился и обнял их обоих. Гарри, однако, был полностью занят. «Сириус, тебе нужно идти, а нам нужно быть в другом месте, прежде чем нас обнаружат».

Гермионе пришлось снять заглушающие чары, прежде чем Сириус смог ответить. «Это было чертовски блестяще, вы двое, какая у вас команда, и это окно! Я почти хотел бы остаться, чтобы увидеть выражение лица Снейпа, когда он находит комнату пустой».

«Тебе нужно идти СЕЙЧАС! Доверься только нам, Люпину или эльфу по имени Добби. Если кто-то еще свяжется с тобой, особенно Дамблдор, беги и прячься». Тон Гарри не оставлял места для маневра, он устанавливал закон, и Сириус должен был подчиняться, пока не получит больше информации.

Сириус снова забрался на Клювокрыла, пока Гарри прощался. «Мы скоро свяжемся с вами. Я только что нашел своего крестного отца и не собираюсь терять вас сейчас».

Он улетел, когда подростки выбрали кратчайший путь через замок к лазарету. Когда они достигли соответствующего коридора, Гермиона потащила Гарри в ближайшую кладовку для метел. «Как бы я ни хотел любить, у нас действительно нет времени». Гарри больше ничего не сказал, потому что теперь губы Гермионы были на его губах.

Закончив поцелуй, Гермиона объяснила, почему они в чулане. «Нам нужно дождаться, пока Дамблдор покинет лазарет и закроет нас. Когда мы услышим крик, пора двигаться».

Гарри что-то прошептал Добби, и тут же появился маленький эльф, подаривший Гарри зеленую бархатную коробочку. Гарри открыл его, и внутри было два платиновых кольца, на них был узор в виде узла с гербом Поттера в центре узла. Гарри посмотрел на девушку, которую любил.

«Ты уверена в этом, Гермиона? Моя жизнь не совсем была усыпана розами, и ты будешь вынуждена увидеть ВСЕ это, их нельзя снимать в течение как минимум десяти дней. Помнишь, мой папа сказал последнее пара, которая носила это, в конце концов возненавидела друг друга».

«Гарри, я люблю тебя, и ничто из того, что я вижу, не изменит этого, меня беспокоит только то, что я могу убить некоторых людей, которые намеренно причинили тебе боль. На самом деле я больше нервничаю из-за того, что ты увидишь обо мне все. ты передумаешь?»

Настала очередь Гарри целовать ее, заставляя молчать. «Гермиона, я не передумаю, ты для меня самый важный человек в мире. Когда я думал, что потерял тебя, мне было все равно, жив я или умер. Без тебя у меня ничего не было. чтобы жить. Это первый шаг к остальной части нашей совместной жизни ". Он надел одно из колец ей на палец и нежно поцеловал в губы.

Теперь Гермиона была намного увереннее. «Гарри, я люблю тебя с тех пор, как мы встретились

в женском туалете на первом курсе. Это до сих пор самый смелый поступок, который я когда-либо видел. Я хочу провести остаток своей жизни с тобой, воспитывая нашу семью. Мы хотели сделать это в более романтической обстановке, но нам нужна защита, которую дают нам эти кольца, прежде чем Дамблдор и Снейп попытаются прочесть наши мысли». Она надела второе кольцо на палец Гарри, когда между кольцами прошел голубой луч света, и оба почувствовали начало соединения.

Когда они целовались, это было странное, но прекрасное чувство, когда они переживали не только свои эмоции, но и других. Гермиона готовилась войти в полный экспериментальный режим, когда они слышали крики, разносящиеся по всему замку, они были уверены, что по крайней мере один из них был криком разочарования Снейпа.

Пора было идти. С помощью Добби они прошли прямо через дверь, оставив обереги старого канюка нетронутыми, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как они исчезают из виду. Рон лежал на кровати, засыпая от полученных травм, и все пропустил. Гарри быстро поцеловал Гермиону. — Думаю, нам пора спать.

Гермиона изображала ужас. — То, что ты дал мне кольцо, не означает, что я собираюсь прыгнуть с тобой в постель, Поттер.

Оба рассмеялись и быстро направились ложиться, пытаясь стереть улыбки со своих лиц, прежде чем придут посетители.

Дверь распахнулась с такой силой, что разбудил Рона и предупредил мадам Помфри, которая пыталась остановить трех разгневанных мужчин, ворвавшихся в ее владения. «Что означает это вторжение? У меня здесь больные дети».

«Мы на минутку, Поппи», — ответил Дамблдор, направляясь прямо к кровати Гермионы. Гарри получил удовольствие от сального мерзавца и разъяренного министра.

— Я знаю, что это был ты, Поттер, и я докажу это.

Гарри на самом деле чувствовал давление в своей голове от проверки легилименности, которую Снейп незаконно проводил над ним, тем более на глазах у министра. Если бы они не носили кольца, открывающие связь друг с другом, но закрывали бы доступ ко всем остальным, Снейп имел бы четкое представление не только обо всем, что произошло сегодня вечером, но и о прошлых годах. Когда он не смог выдать никакой информации, Снейп потерял ее и вытащил палочку. Только Дамблдор, примчавшийся и опустивший руку мастера зелий, спас Гарри от проклятия и, по крайней мере, одну жизнь.

Дамблдор встретил точно такое же сопротивление со стороны Гермионы и обернулся как раз вовремя, чтобы остановить Снейпа, который выставил себя полным козлом. Для старика спасение Гарри было лишь побочным продуктом этого события. Старый козел практически вытащил своего ручного пожирателя смерти из комнаты.

— Простите, министр Фадж. — спокойно спросил Гарри. «Можете ли вы сказать мне, что происходит? Почему профессор Хогвартса чуть не прокляла меня в моей постели?»

— Не глупи, мальчик, зачем ему это?

«Вероятно, потому что его незаконная атака легилименности не дала ему понять, что он искал. Вы не знали, что он и Дамблдор все время практикуют это на учениках?» На лице Фаджа отразилось замешательство. «О, и не принимайте лимонные леденцы, которые он всем предлагает. Снейп делает их специально для него, если вы понимаете, о чем я».

Теперь Фадж выглядел так, будто страдал от сильного запора.

«Пусть вас это не беспокоит, министр, я уверен, что Дамблдор сотрет любые воспоминания, которые он не хочет, чтобы вы имели. По крайней мере, он обычно так делает».

Фадж выбежал из лазарета, пока Гарри пытался сдержать смех.

Это был ошеломленный Рон, который спросил: «Что, черт возьми, все это было?»

— Просто завел министра магии, Рон, — взгляд Гарри на Гермиону сказал все, что было нужно. Рону нельзя было ничего говорить, теперь они знали, что ему нельзя доверять. Это, наряду с их новыми отношениями, должно было поставить под угрозу их так называемую дружбу. И Гарри, и Гермиона знали, что их дни в Хогвартсе подошли к концу, оставалось только выбрать правильное время и метод, чтобы раскрыть свои планы. Планы, в которых семья Уизли не принимала участия.

Гарри и Гермиона знали, что произойдет, когда они заснут, и ни один из них не ждал этого, к сожалению, кольца заставляли их расслабиться, и сон быстро приближался.

(A/N: Эти кольца были заказаны предком Поттера, который не был уверен, любит ли его будущая жена его или его состояние. Когда владелец спит, он смотрит на жизнь и мысли своего партнера почти как на воспоминания. Правило десяти дней позволяет чтобы узнать, как именно они относятся друг к другу. Это объяснено в следующей главе, но я разместил это примечание здесь, чтобы попытаться избежать путаницы.)

- Гермиона просматривает воспоминания Гарри -

Гермионе сказали, что она увидит все, что случилось с Гарри в его жизни, но ничто не могло подготовить ее к переживанию его эмоций и боли.

Четырехлетний Гарри свернулся калачиком в шкафу и тихо плакал. Это был день рождения Дадли, и Гарри, по опыту зная, что ему не достанется ни еды, ни торта, спросил тетю, когда у него день рождения. Он получил пощечину от своего дяди, а затем сказал, что его пьяные

уроды-родители даже не удосужились записать это перед смертью, поскольку такой ничтожный мальчик, как он, не заслуживал дня рождения.

Сердце Гермионы разрывалось, когда она чувствовала отчаяние, исходившее от любви всей ее жизни. Если бы ее Гарри знал в это время, какими замечательными людьми были его родители, она была уверена, что он пошел бы перед первым автобусом, который он увидел, чтобы быть с ними и положить конец этому аду на земле.

По мере того, как воспоминания загружались в разум Гермионы, она начала испытывать гнев в масштабах, на которые она никогда не думала, что способна. Последней каплей стало наблюдать, как бульдог вонзает зубы в истощенное тело Гарри, а его предупреждают: «Лучше не отравляй своей кровью мою собаку, мальчик». Она почувствовала, как ее магия покидает ее, прежде чем успокаивающее присутствие вернуло ее обратно. Воспоминания все еще были болезненными, но теперь она использовала информацию, чтобы спланировать их месть. Никто не сделал этого с ее Гарри и это не сошло с рук, они все собирались заплатить - даже собака.

В больничной палате начался настоящий ад. Вещи летали повсюду, когда магия Гермионы проявляла себя, бросая предметы в стены, пол и потолок. Поппи удалось вытащить из палаты потрясенного Рональда Уизли, когда все прекратилось. Она посмотрела на двух других пациентов в своей палате и заметила, что обе кровати на самом деле стояли рядом, а их обитатели теперь держались за руки. Она подошла к молодой паре, когда некоторые предметы снова начали левитировать, так как она сняла все, что успокоилось. Поскольку очевидной опасности для обоих не было, Поппи оставила их в покое и поместила мистера Уизли в отдельную комнату.

- Гарри просматривает воспоминания Гермионы -

Если Гермиона была не готова к эмоциям, исходящим от ее жениха, то Гарри был опустошен той болью, которую она пережила в детстве. Он не был уверен, как работает вся эта история с путешествиями во времени, но казалось, что всего несколько часов назад он наблюдал, как замечательная девушка, которая была его будущим, была поражена проклятием, которое, казалось, положило конец ее жизни. Гарри знал, что он чрезмерно защищает тех, кого любит, но даже после той ссоры это было чрезмерно преувеличено. Любой, кто попытается причинить вред его возлюбленной, должен будет сначала пройти через него, а со времен Департамента Тайн мало кто мог даже приблизиться к этому подвигу.

Ее впечатления от школы были не хуже, чем у него. Гермиона подвергалась остракизму и издевательствам со стороны сверстников из-за ее очевидного интеллекта, но больше всего его шокировала ее домашняя жизнь. Гермиона спокойно сидела, обсуждая последний эпизод издевательства со своим отцом, который советовал ей противостоять хулиганам, пока он снова свяжется со школой. Ради Мерлина ей было семь, и она только что больше часа плакала в своей спальне, где же объятия, которых она так отчаянно хотела? Он мог заставить Гермиону почувствовать себя лучше простым «люблю тебя» и объятиями. Еще один телефонный звонок в школу только усугубит проблему.

Как «посторонний», наблюдающий за происходящим, Гарри мог видеть, откуда взялась ее

невероятная целеустремленность и почти патологическая потребность угождать авторитетным фигурам. Ее родители были очень интеллигентными людьми, и Гермиона старалась показывать эту часть себя как можно чаще, лишь бы ее заметили. Она была не то чтобы нелюбимой, просто изголодавшейся по привязанности со стороны родителей, которых она даже никогда не видела держащимися за руки. Было удивительно, что Гермионе вообще удалось родиться. Похлопывание по плечу за идеальный табель успеваемости — это самое лучшее, что может быть.

Оба всю свою жизнь изголодались по любви, и он молча пообещал показывать, что любит ее каждый день. Его самым большим желанием было иметь детей в будущем, и теперь они вдвоем точно знали, чего не следует делать. Когда вы добавили в смесь властную Молли «два объятия, три приема пищи и я твоя приемная мать» Уизли, у них действительно были все основания «нельзя» хорошо и по-настоящему покрыты.

Он почувствовал ужасную боль, которую она сейчас чувствовала, и его магия действовала соответственно. Гарри не знал, что происходит в «реальном мире», но от этого ему стало лучше. В настоящее время он наблюдал, как Гермиона обсуждает с родителями поездку в Хогвартс, он чувствовал волнение от изучения новых вещей, но это перевешивало прилив надежды на новое начало. Когда она впервые въехала в Хогвартс-экспресс, ее чувства были почти такими же, как и у него: пожалуйста, не позволяйте мне отправляться домой, потому что я не вписываюсь.

Видеть себя чужими глазами приводило в замешательство, видеть Рона глазами Гермионы было откровением. С первой же встречи Рон был груб с ней, и это продолжалось каждый раз, когда она подходила к Гарри в его присутствии. Когда он чувствовал боль, которую причинил ей на Хэллоуин, Гарри с радостью скормил рыжеволосого Пушистика. Ее эмоции, когда некий темноволосый волшебник прыгнул на тролля в попытке спасти ее, были зашкаливающими, мальчик, с которым она пыталась подружиться пару месяцев, буквально рисковал ради нее своей жизнью.

- Гермиона просматривает воспоминания Гарри -

Гермиона смотрела глазами Гарри, как она застыла на месте, пока тролль крушил ванную. Он видел, что прошло всего несколько секунд, прежде чем ее ударили дубинкой, и сделал единственное, что пришло ему в голову, — прыгнул на нее. Он не мог поверить, что ради них она солгала МакГонагалл.

Увидеть его точку зрения на полеты было потрясающе. Теперь она поняла, что после того, как он провел большую часть своей жизни в чулане, свобода, которую давала метла, оставила у него одни из самых счастливых воспоминаний на сегодняшний день. Когда она набралась храбрости и обняла Гарри перед тем, как он подошел к Квирреллу, это было первое объятие для них обоих.

Победив одного злого ублюдка, другой злой ублюдок отправил его жить с целым племенем порочных, злых ублюдков. Наблюдая за тем, как он получает свой скудный рацион через кошачий люк, означало, что она действительно собиралась проявить творческий подход к их

расплате. О, они все так страдали за то, что сделали с ней, Гарри.

Боль, которую он испытал из-за всего «Наследника Слизерина», была ничто по сравнению с его чувством потери, когда он увидел ее лежащей в лазарете окаменевшей. Гермиона почувствовала прилив ревности, когда он получил эту поющую валентинку, но то, как он сидел, держа ее окаменевшую руку, показало, что он полюбил ее еще до того, как кто-либо из них осознал это.

Наблюдать за тем, как перепуганный двенадцатилетний мальчик сражался с василиском и Риддлом, было внушающим благоговейный трепет. Однако даже когда он умирал, его мысли были обращены к его другу, лежащему в больнице. Гарри спас Дамблдору работу, вызволил Хагрида из Азкабана до того, как его снова отправили к этим ублюдкам в тюрьму на Тисовой улице. Он только сбежал, взорвав свою тетю.

Он даже не успел добраться до Хогвартса, как безумие снова возобновилось, дементоры в поезде задали тон всему году, а осуждённый убийца после того, как вы просто добавили в смесь немного специй. Гермиона поняла, что открытие, что Сириус был его крестным отцом, невинным, и хотела, чтобы Гарри жил с ним, было лучшим, что он когда-либо чувствовал. Узаконенное убийство Сириуса Блэка чуть не сломало Гарри Джеймса Поттера, он снова оказался четвертым в шкафу, а его друзьям запретили с ним связываться. Пережитое лето привело его только к тому пылающему турниру.

- Гарри просматривает воспоминания Гермионы -

Гарри смотрел глазами своей девушки, когда она смотрела, как он изо всех сил держится за жизнь, пока его метла брыкается и брыкается под ним. Это был его первый опыт режима Гермионы «Помоги Гарри», все ее разум и тело были сосредоточены на проблеме и приступили к действию. Она была в волшебном мире всего несколько месяцев, а здесь поджигала мантию профессора, чтобы спасти своего Гарри.

Он чувствовал ее полный восторг, когда она разгадывала загадку василиска, но ее последней мыслью, когда Гермиона окаменела, было то, что она подвела своего Гарри. Когда она пришла в себя, у нее в голове была только одна мысль: найти своего Гарри, и она почти подумала, что стоит окаменеть, обняв его в большом зале.

Гарри в ужасе посмотрел на себя, упав с метлы после того, как дементоры вторглись на поле для квиддича, Гермиона подумала, что он мертв, и чувства были точно такими же, как у Гарри в Отделе Тайн. Когда он получил Молнию, он вернул ей все это, и она сделала то, во что никогда бы не поверила, она пошла к МакГонагалл. Когда Гарри не разговаривал с ней, она каждую ночь плакала, пока не заснула. Единственным утешением Гермионы было то, что он все еще жив. Она сделала это ради его безопасности, а он отвернулся от нее, Гарри чувствовал себя настоящим дерьмом.

Когда Дамблдор закрыл дверь и дементор забрал душу Сириуса, они оба плакали всю ночь. Профессору Люпину было так противно это решение, что он покинул не только школу, но и

волшебный мир, и больше о нем ничего не было слышно.

Тем летом Гермиона бросила вызов Дамблдору и написала Гарри, но ее письма продолжали возвращаться недоставленными, даже те, которые были отправлены маггловской Королевской почтой.

Когда они вернулись в Хогвартс, она действительно волновалась за него, эти чувства вырвались наружу, когда его имя вылетело из этого кровавого кубка. Когда она смотрела, как он уходит, она была уверена только в двух вещах: он не поставил свое имя в кубок и снова настало время «Помоги Гарри».

<http://tl.rulate.ru/book/75046/2123039>